

С.В. КИСЕЛЕВ

**СОВРЕМЕННОЕ ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
В ИНОЭТНИЧНОМ ОКРУЖЕНИИ**

КИСЕЛЕВ Сергей Васильевич - ведущий специалист Информационно-аналитического центра Администрации Ростовской области.

В современной российской действительности для утверждения стабильной политической и экономической ситуации, благоприятного макроклимата социального реформирования чрезвычайно важен поиск оптимального баланса межнациональных интересов на федеральном и региональном уровнях.

Вот почему такой полиэтничный регион как Донской, за столицей которого закрепилось клише "ворот Северного Кавказа" (а через них "прошло" и рассеянно "осело", по данным последней переписи 1989 г., около 120 национально-представительствуемых общностей [1]), приобретает значение своего рода репрезентационной модели эмпирически-полигонного испытания эффективности сотрудничества едва ли не всех народов РФ.

Вместе с тем, при всем активном смещении в этом "плавильном тигле" многообразного этнического материала, основное исторически-поступательное движение ему всегда придавало донское казачество. В наши дни оно решительно пытается самоопределиваться на подорванной советско-партийным режимом здешней почве автохтонной этномобилизации со своими исторически выстроенными в пору их расцвета до-революционными институтами самоуправления, землепользования и другими атрибутами культурно-укладной самобытности, являя собой один из факторов установления гармонизированного социального порядка. Однако как бы ни представлялся этот "казачий ренессанс" по внешне оформляемой динамике не столько этно-, сколько "политикогенезом", он по всем своим потенциально заложенным и реально проявляемым "пассионарным" компонентам выходит за рамки локализованного опыта местной консолидирующейся группы, затрагивая основы федеральной политики сбалансирования устремлений, претендующих на ключевую роль национальных региональных элит.

Поскольку картина, открывающаяся объективному изучению возрождения донского казачества, его институциональных характеристик, - прежде всего в связи с определением собственного места, веса и роли в процессе межэтнической интеграции в регионе, - выглядит достаточно запутанной и тенденциозно освещаемой СМИ, то проведение соответствующей диагностики некоторых парадигм казачьего самосознания по восприятию складывающейся реальности назрело уже давно. В качестве серьезной работы по данной проблематике можно назвать (частично и с оговорками) лишь одну: исследование, осуществленное в июле 1992 г. Российской социологической службой "Мониторинг" под рук. И. Яковенко [2]. Но, как следует из самой заявленной темы, попытка охватить отношение казачества ко всем (особенно политическим, подминающим остальные) ориентациям общественной активности привела к неизбежным "лакунам" прочих весьма актуальных проблем. Одна из них - по существу еще социологически не исследованная ситуация коммуникативного отношения казаков к полиэтнической среде своего внутрорегионального окружения и рутинным миграционным раздражителям с точки зрения этногенеза. Именно она и рассматривается автором настоящей статьи на эмпирическом материале среза социально-этнической структуры Донского региона и нормативно-поведенческих установок казачества, полученном Информационно-аналитическим центром Администрации Ростовской области (ИАЦ АРО) в сентябре 1996 г.

Ввиду того, что оба исследования по своей методологической базе практически идентичны (использовался метод интервью, опрашивалось по 800 человек, репрезентирующих по выборке социально-демографический состав областного населения, да и территориальная корреляция была довольно близкая), то, с одной стороны, они выступают как взаимодополняющие друг друга проблемные разработки, с другой же - устанавливают преемственную динамику корректировки ряда пересекающихся показателей. Напомним, хронологически срезы "Мониторинга" и ИАЦ АРО отделяют четыре года, за которые волна подъема казачьего самосознания сменилась очевидной стагнацией этноконъюнктуры и ослаблением моды на казачью идентификацию по совокупности социально-политических и иных причин. В этом смысле сопоставление данных о донском казачестве на основании наиболее адекватно верифицируемого метода этнической самоидентификации, на наш взгляд, представляется корректнее в соответствующей репрезентации ИАЦ АРО, чем в той, которую избрал "Мониторинг" (когда отсутствует "переписная" фиксация нелегитимизированного как этнос казачества, пока рассматриваемого в научном обороте лишь в качестве этносословной, субэтносной группы в составе некоторых народов [3]). Ведь только выдавая желаемое за действительное, можно утверждать без всякого обоснования, что практически каждый третий взрослый гражданин в РО (28%, или свыше 1 млн. жителей) и четвертый в Ростове-на-Дону (200 тыс., около 25%) ощущает себя казаком (а значит таковым и является, что бы там ни говорилось потом о "рассматривании этой численности скорее как факта общественного сознания, чем как факта практической деятельности и поведения людей" [2, с. 2, 17]). Надо ли доказывать, что реальные поведенческие реакции человека чаще всего определяются приверженностью традициям этносамоидентифицированной ориентации (к примеру, в межнациональном взаимодействии)?

Оставляя за скобками оценку качества проведенного "Мониторингом" измерения в целом (к лету 1992 г. состояние дезинтеграционных процессов, социальной дестабилизации в стране и в РО в принципе могло содействовать "стремлению включиться в какую-то социальную общность, чтобы противостоять нарастающей атомизации общества" [там же, с. 18]), тем не менее усомнимся в том, что жесткая постановка им вопроса "Относите ли Вы себя к казачеству? Да или нет?" более правомерна и корректна своей лобовой альтернативой, нежели вариант, предусмотренный ИАЦ АРО. Понятно, что при ответе на вопрос "С каким народом (народами) Вы связываете свое национальное происхождение" отсутствует ультимативно-директивная установка спровоцированного прессинга искусственной дихотомии набора (звучащего как гром среди ясного неба!). В этом случае респонденты могли откровеннее и свободнее самоидентифицировать себя, попутно выявляя очень интересную (уже для отдельного анализа) нюансировку палитры этногенеалогических переплетений (миксаций). Чистых монотипов в жизни не существует, но есть доминирующая этноориентация с раскладом "аутсайдерных", а иногда выходящих на первые роли других этнокомпонентов, что было недооценено в подходе "Мониторинга". Словом, данные ИАЦ АРО, будучи выдержанными методологически, отводят казачеству хотя и несколько скромное, зато реалистичное место в региональной этноструктуре (см. табл. 1).

Как видим, выделивших себя "чистых" казаков по РО и Ростову-на-Дону соответственно 5 и 2,3%, а в суммарном объединении с прочими этнообразованиями, где так же присутствует, согласно предложенной респондентами версии своего происхождения (правда, на каких ролях неизвестно) "казачий элемент", составляют 17,6 и 14,2%.

Оттого что выяснение специфических установок казачества невозможно без учета преобладания в Донском регионе метаславянской общности, кратко остановимся на ее характеристике. К входящим сюда народам единого этноязыкового и культурного корня, чей вес в количественно пропорциональной этноструктуре РО имеет значимое представительство (т.е. не менее 5% долевого участия, чтобы говорить о каком-либо заметном влиянии), были отнесены, в соответствии с указанной самоидентификацией

Таблица 1

Казачий субэтнос, %

Этносоставные	Ростовская область в целом	Ростов	Города области	Села области
1. Казаки	5	2,3	5	7
2. Казаки + русские	7	7	6	8
3. Казаки + русские + украинцы	1,8	2,3	1,3	1,5
4. Казаки + иные сочетания этносов	3,8	2,6	2,2	3,8
ВСЕГО	17,6	14,2	14,5	20,3

Таблица 2

I. Славянский выраженный этнотип, %

Общины	Данные переписи 1989 г. по Ростовской обл.	Данные опроса ИАЦ по Ростовской обл.
1. Русские	89,56	41
2. Украинцы	4,17	8
3. Белорусы	0,89	0,8
4. Казаки	нет данных	5
5. Смешанные (инвариации 1-4) славянские образования	нет данных	31
ВСЕГО	94,62	85,8

II. Иные выраженные этнотипы без славянского элемента (монообразования), %

1. Армяне	1,46	2
2. Татары	0,31	1,2
3. Евреи	0,24	0,5
4. Другие	2,7	1
ВСЕГО	4,71	4,7

респондентов, помимо "казаков" (К) также моноэтничные "русские" (Р), "украинцы" (У) и биэтничные сочетания "русские + казаки" (Р + К), "русские + украинцы" (Р + У). Прежде чем рассматривать состояние открытого и латентного конфликтогенеза сообразно распределению этнической принадлежности и в особенности конституирующиеся казачьи установки, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Общая ситуация межэтнической концентрации на Дону такова, что позволяет фиксировать безусловный приоритет, которым располагает численно и ассимиляционно доминирующая славянская общность, играющая здесь примерно ту же роль, что и англосаксонская община протестантской ориентации для консолидации американской нации [4]). Однако ее положение гораздо монополистичнее, несмотря на устоявшееся представление о непрерывно прибывающей с Кавказа и оседающей диаспорной волне. В этом легко убедиться по едва ли не аутентично коррелируемым между собой данным демокопического среза и официальной региональной переписи 1989 г. (см. табл. 2).

Этнотипы без славянского элемента (монообразования армян, татар, евреев и др.) суммарно набирают около 5%, а вот структурирующийся квадрат русские + казаки (как их субэтносная часть) + украинцы + белорусы - 85,8%. Промежуточная между этими двумя кластерными сегментами конгломерация "славяне + неславяне", как

показывают данные опроса, не отраженные в таблице, составляет 6,83%. На этой, казалось бы, изначально благоприятной для свободного произрастания полиэтничной структуры почве, обильно "унавоженной" такими традиционно-атрибутивными русскокорневыми ценностями (даже выросшими на 20%, о чем свидетельствуют индексные измерения ВЦИОМа по общероссийской выборке за пятилетний период) как открытость, простота, гостеприимность, готовность помочь, верность [5, с. 25], все-таки имеются некоторые основания для вялотекущей пока рутинно-бытовой формы межэтнической напряженности. (Попутно заметим, на слабость националистических установок указывает, скажем, тот факт, что только 15% жителей региона выступают за переименование Ростовской области в Донскую при 50% считающих, что сие делать нецелесообразно, 23% равнодушных к этому и 12% затруднившихся определить свою позицию.)

Приходится констатировать, опираясь на данные социально-этнического среза по пяти доминирующим прославянским группам, наибольшее дистанцирование от межнациональной коммуникабельности и корпоративную замкнутость на себе демонстрирует казачество, которое, очевидно, переживая с переменным успехом процессы самоидентификации и консолидации, довольно болезненно реагирует на реальное или мнимое противодействие своему самоутверждению. У этой группы фиксируется высший уровень коэффициента негативизма - K_n (отношение позитивных этнических установок к негативным [6]) в ходе выявления ориентации на интернациональный состав среды обитания в целом (0,22) и трудового коллектива в частности (0,7) при среднем показателе этого индикатора по другим славянским группам - 2,12 и 4,1 соответственно (и общем среднем значении 1,74 и 3,42 аналогично тем же позициям). Иными словами, лишь 10% казаков считают, что многонациональность коллектива делает его сильнее, 7% чувствует себя по жизни комфортно в окружении представителей разных национальностей, в то же время 14% придают отрицательное значение этому фактору по месту работы и практически каждый третий представитель субэтноса предпочитает жить рядом с близкими по крови. Для сравнения отметим наиболее выраженную среди исследованных национальных представительств настроенность к межэтническому общению у $У$ и $Р + У$, где соответствующие коэффициенты доверия составили 3,16; 3 и 2,5; 8 соответственно ($Р$ и $Р + К$ несколько умеренней в проявлении лояльных чувств: 0,92; 1,4 и 2,4; 3,5). В среде казачества обнаруживается и низший уровень индифферентно относящихся к полиэтничному представительству на производстве и в повседневном бытовом окружении (45 и 31%), тогда как по другим группам либеральная терпимость преобладает (безразличие к национальному происхождению - от 55% у $Р + К$ до 72% у $Р + У$).

И в установлении дружеских контактов с инородной средой казачество выдерживает максимальную для славянских этнопредставительств осторожность - K_n 2, что, примерно, в 6-8 раз ниже общительности $Р + К$ и $Р + У$ (11,5 и 15,6), сокращая разрыв лишь с $Р$ и $У$ до 1,5-кратного отставания. Полученные данные опровергают установившееся представление о сохранении исторической ориентированности на брачно-этнический плюрализм теми, кто некогда обустроивал свою семейную жизнь через "походы за зипунами и женками" или просто находил таковых в иноэтнической среде. Реальное противодействие в казачьем миру бракам с людьми другой национальности тут максимальное для метаславянской общности (K_n 0,4), т.е. жестко превалирует инкорпорирование самоэтнического воспроизводства по сравнению с $Р + У$ (K_n 5,25), но приближается к $Р$ (K_n 0,7), сохраняя, однако, и при этом чуть ли не двухкратный перевес. О рационально выстроенном сопротивлении казачества межэтническому растворению косвенно свидетельствует и почти вдвое меньшая доля "не задумывавшихся" об интернационализации брачных отношений (24% солидарно с 21% среди $РК$) в сравнении с аналогичной категорией у $Р + У$, $У$, $Р$.

При определении остроты социально-проблемной иерархии ценностей славянских представительств в РО, как одного из главных факторов защиты своих национальных интересов, фиксируется следующая рейтинговая пятерка наиболее злободневных

приоритетов. Таковыми казачеством признаются (в порядке убывания значимости): задержки зарплат, пенсий, пособий и низкий жизненный уровень (солидаризуясь в этих двух позициях по 1-2 местам с остальными этногруппами), трудности с жильем (то же 3 место у Р + У; 4-е - Р + К, Р и У), безработица, невозможность найти работу (5 место - Р и У; 6-е - Р + К и Р + У), социальная защита малообеспеченных (2 место - Р + К; 3-е - У и Р; 4-е - Р + У). Явно нетерпимое отношение казачества к задержкам денежных выплат (почти 9 человек из 10 при 77% у ближайших У и 62% у самых "благополучных" Р + К), пожалуй, опосредованно подтверждает его неудовлетворенность тем обстоятельством, что оно не вовлечено в традиционный для него и вождеденный уклад землепользования, гарантирующего арендаторско-фермерский доход, и как следствие вынуждено быть задействовано в бюджетно-коммерческой сфере со "скользящим" денежным обеспечением. Однако долговые финансовые обязательства государства или предприятий отнюдь не культивируют у казаков патерналистских ожиданий инфантилизирующего покровительства: очень низкая реакция на слабость социальной защищенности малообеспеченных - 31% (для сравнения - 2-й минимум Р + У равен 42%, максимум за Р + К - 55%, в среднем по группам - 45%). Видимо, все же эта и вышеотмеченные среднегрупповые социально-материальные индикаторы статусного положения не могут уверенно отнести казачество к какой-то особой этногруппе социального риска, испытывающей гораздо острее выраженный прессинг тягот и лишений по совокупности, чем другие общекорневые общности.

Насколько же в целом традиционализирующийся для большинства россиян набор социальных "утеснений" в области влияет на межнациональную напряженность, канализирует ответственность "одних перед другими" за их неустройство"?

Данные нескольких срезов ИАЦ, касающиеся этого аспекта, позволяют отметить достаточно низкий уровень оценки населением состояния межэтнического конфликтогенеза. Лишь каждый 11-й житель региона (8-9% по всей выборке) признает эту проблему актуальной и только 6% обеспокоено миграцией населения из соседних областей и государств. Но снимает ли это потребность гармонизации межнациональных отношений в столь полиэтническом регионе?

Любопытно отметить солидарно разделяемое метаэтнической общностью мнение о непризнании миграционных процессов в РО главной структурообразующей причиной межнациональных трений (все пять групп вывели ее за пределы пятерки дестабилизирующих факторов). Позиция казачества выглядит здесь несколько неожиданной с точки зрения традиционно приписываемых ему исторических реминисценций собственно этнического сплочения перед лицом многодесятилетнего и современного (!) репрессивно-индифферентного государственного отношения к иницируемой снизу статусности. Трудно было ожидать, что в качестве базы для конфликтов на национальной почве казачеством будут названы в первую очередь не "ошибки национальной политики, допущенные в различные периоды истории нашей страны" (вместе с Р + К, оно отводит им лишь 3 место - 33%, тогда как Р, У и Р + У ставят их на 2-е) и не возложение ответственности на центральные и местные власти за неспособность стабилизировать ситуацию в стране и регионе (24; 24% - 4-5 места), что не мешает казачеству, как ни странно, выдвигать в их адрес основное обвинение в возникновении связанных сугубо с ним сложностей. Главную же причину межнациональной напряженности казачество видит в ухудшении экономической обстановки - 64%. Диспропорции в развитии экономики воспринимаются им острее, чем какими-либо другими группами, а необустроенность социального сектора (40%). оно хотя и относит к существенным, но производным от нее негативным факторам межэтнической деструктивности.

На наш взгляд, подобная мотивация свидетельствует о более позитивной, трезвой оценке (нежели выявленные ранее субъективные установки повседневной-трудовой, брачного и т.п. антимиксационного изоляционизма) отправной базы решения возникающих сложностей прежде всего через создание благоприятных для самореализации

казаков хозяйственных условий. Их метания по поводу понимания собственных путей движения не мешают проявлению спонтанных (сбалансированных не только крайностями этноцентризма) позитивных подходов к общественной стабилизации.

Симптоматичным выглядит выявление степени этнической толерантности и ксенофобии казачества как части набора нормативных качеств, обеспечивающих его внутригрупповую интеграцию [5, с. 23] по отношению к трудовой (из Украины) и неславянской миграции в РО на фоне общего распределения индексов негативизма, характеризующих метаэтническую общность. Примечательно, что при отчетливо установившейся в ней неприязни к въезжающим на жительство неславянским переселенцам, в 3 раза превышающей уровень антипатии к украинским мигрантам, отношение границ амплитудных величин по трем шкалированиям (позитив/негатив) составило: 1,3/0,45 (население области), 1,4/0,37 (средний показатель по славянской группе), 0,6/0,25 (у казачества). Иначе говоря, казачество демонстрирует одну из самых сильных установок психологического раздражения и неприятия "этнических чужаков".

На какие же жизненные реалии опирается этническая самооценка казачеством причин периодически возникающих конфликтов между его представителями и мигрантами ("кавказской", "цыганской" и иной принадлежности)? При безусловном у областного населения в целом (40%) и четырех славянских, без казачества, групп (от 36 до 47%) приоритете "нерешенности социальных проблем" в оценках подогреваемого, тлеющего межэтнического противостояния, казачество явно не придает ему решающего значения (26% - лишь 4-е место в собственном рейтинге), зато в качестве основных (исходных) посылок подобных конфликтов называются (вполне ожидаемые для него) мотивации: обычная межнациональная вражда (36%), бездеятельность властных структур (33%) и недостойное поведение пришлых людей.

В основе этих мотиваций, как справедливо отмечается в одном из ВЦИОмовских обозрений, может лежать "с одной стороны, повышенная чувствительность к новым символам успеха и благополучия, к растущему неравенству, с другой стороны - наименьшая адаптированность к новым социальным и экономическим отношениям" [7], на что мы уже обращали внимание. Проявление же таких установок в обстоятельствах казачьей консолидации на территории своего исторического дислоцирования способно усиливать комплекс патристической ревности, опеки, закрепления культурно-этнической демаркации от чужеродно-деструктивного воздействия на собственные и сознатические консервативные ценности.

Здесь следует отметить, что в отсутствие ясно выраженного населением РО ("за" только 15%) и славянско-этническими представительствами "вотума доверия" казачеству защиты местных интересов (от 9 до 19% со средним показателем по четырем общностям - 14% и, похоже, завышенной "мессианской" самооценкой казачества - 24%) все же существует некая, хотя и зыбкая, почва для поддержки фобийно-миграционных противодействий. Так, в дихотомическом разделении степени вины за сохраняющуюся конфликтность между казачеством и миграционной диаспорой жители Донского региона именно переселенцам вменяют несколько большую ответственность в связи с "их неподобающим поведением", чем казачеству со "своим собственным некоторой его части экстремизмом" (20% против 18%) при похожем соотношении усредненных показателей внутри славянского квадрата (22,3% к 18,5%). В казачьей же среде, естественно, преобладает оценка "адвокатства" за себя - 31% к 12%, т.е. в 2,6 раза выше признается вина противной стороны.

Вообще-то, наверное, не следует преувеличивать агрессивность предполагаемых или частично реализуемых проявлений казацких "акций возмездия" ввиду, к счастью, пока недостаточного фактически-событийного этноконфликтного материала. Ведь по данным опроса до 20% проживающих на Дону вовсе не слышали о такого рода конфликтах (хотя и возможно, что по обыкновению массовым сознанием фиксируются силовые, а не мягкие, скрытые формы противоборства). Вместе с тем попустительство межэтническим притязаниям, индифферентная отстраненность властных

структур от их регулирования весьма опасны, ибо, когда "право спит", это становится провоцирующим фактором этносоциальных столкновений.

Представленные нами (пусть и не в полном объеме) характеристики общественно-поведенческой ориентации казачества дают основания рассматривать его как несвободную от крайностей этноцентризма и патриотического рвения мобилизующуюся в этнос ("де-юре") этносословную группу ("де-факто"), таящую для инонационального окружения по преимуществу угрозы лишь рутинно-бытового конфликтогенеза во имя собственной интеграции и отстаивания социально-экономических интересов в условиях еще отсутствующей альтернативы их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Народное хозяйство Ростовской области в 1980-1990 гг. Статуправление Ростовской области. Ростов-на-Дону. 1991. С. 41-44.
2. Современное донское казачество (политический, социальный, экономический портрет). Российская социологическая служба "Мониторинг". Ростов-на-Дону. 1992.
3. См., например, Народы России: энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. 1994; *Сергеев В.И.* Движение за возрождение казачества. Ростов-на-Дону, 1993. С. 5: Актуальные проблемы казачьего движения ("круглый стол") // Социол. исслед. 1992. №9. С. 17-29.
4. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 304-326.
5. *Гудков Л.Д.* Динамика этнических стереотипов населения: сравнение замеров 1989 и 1994 гг. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 2.
6. *Гудком Л. Д.* Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 3. С. 15.
7. *Бочарова О.А., Гудков Л. Д.* Иерархия этнических стереотипов населения. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 19.